

На правах рукописи

Виноградов Антон Александрович

**СТАРООБРЯДЦЫ СИМБИРСКО-УЛЬЯНОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
СЕРЕДИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ. (ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ
ХОЗЯЙСТВА, МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, БЫТА И СЕМЬИ)**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Ижевск 2008

Работа выполнена на кафедре географии Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор

Шабалина Любовь Петровна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор

Чагин Георгий Николаевич

кандидат исторических наук

Русин Дмитрий Владимирович

Ведущая организация: ***ГОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко»***

Защита состоится «___» ноября 2008 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Автореферат разослан «___» 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.и.н., доцент

Г.Н. Журавлева

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Сложные трансформационные процессы в жизни постсоветского общества, сопровождающиеся этническим и конфессиональным возрождением, стимулируют развитие новых направлений гуманитарных наук и обуславливают их актуальность. В связи с этим становится понятным и возрастание интереса к изучению старообрядчества в России.

Обстоятельства возникновения, особенности исторического развития, своеобразие морали, этики и религиозных канонов обусловили наличие в старообрядчестве собственных специфических черт, отразившихся в духовной и материальной сферах жизнедеятельности его носителей. Главным структурирующим принципом его стал традиционализм, проявляющийся как в области сознания – идеях, воззрениях, взглядах, так в семье и в быту, что позволяет рассматривать старообрядчество в качестве одного из подразделений русского этноса.

Старообрядцы, составлявшие оппозицию официальному православию, расселялись преимущественно в районах, отдалённых от центральных Российских губерний (Сибирь, Урал, Русский Север, Дальний Восток), но наряду с этим значительная доля старообрядцев проживала на Волге, Дону и в центральных губерниях. Длительное существование в условиях определённой природно-экологической и инокультурной среды сформировали региональные особенности различных групп старообрядцев. Их изучение является необходимой предпосылкой для воспроизведения целостной картины старообрядческой культуры, как составной части культуры всего русского этноса.

Территория Симбирского Поволжья представляет собой многонациональный регион, с преобладанием русского населения, где в тесном взаимодействии сосуществуют народы восточнославянского, тюркского и финно-угорского происхождения, то есть она является зоной интенсивного протекания этнических процессов. Исторический опыт Симбирского старообрядчества по адаптации своей этноконфессиональной группы в инокультурной и иноконфессиональной среде представляет значительный интерес при изучении общих закономерностей взаимодействия культур.

Материальная и духовная культура русских старообрядцев Симбирского Поволжья, обладающая, в силу обстоятельств формирования и функционирования в полиэтническом окружении, яркой самобытностью, не получила до сих пор достаточного освещения в научной литературе.

Объектом исследования послужили старообрядцы Симбирского-Ульяновского Поволжья.

Предметом диссертации являются: основные черты хозяйства традиционной культуры, особенности структуры и быта семьи старообрядческого, преимущественно русского, сельского населения.

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины XIX – до первой трети XX вв., что обусловлено, прежде всего, тем, что с момента отделения Самарской губернии от Симбирской губернии в середине XIX в. вплоть до ликвидации Ульяновской (Симбирской) губернии в 1928 году (пу-

тём вливания губернии в более крупный регион в качестве нескольких округов), рассматриваемая административная единица оставалась практически неизменной. Кроме того хронологические рамки обусловлены возможностью использования применительно к данному периоду архивных и опубликованных источников, а также собранного автором полевого материала.

Территориальные рамки исследования определены границами Симбирской (1850-1924) и Ульяновской (с 1924 по 1928 гг.) губернии, т.к. в исследуемый период территория данного региона практически не менялась.

Состояние изученности темы. На сегодняшний день историографическое наследие по проблемам старообрядчества является довольно обширным, в связи с этим в настоящий обзор включена только литература, непосредственно использованная или оказавшая влияние на диссертацию. Она распределена по тематическим разделам: 1) общие работы по старообрядчеству; 2) работы, посвященные симбирскому старообрядчеству; 3) опубликованные исследования, в которых в той или иной степени поднимаются проблемы хозяйства, материальной культуры, быта, семьи и семейной обрядности.

Первые работы о старообрядчестве были написаны представителями официальной православной церкви и русской исторической науки и преследовали исключительно обличительные и миссионерские цели. Их относят к синодальному направлению старообрядческой историографии (Макарий (Булгаков), А.И. Журавлев, Е. Голубинский, Н.Ф. Каптерев¹). В связи с этим интересно сравнить синодальные работы с полемическими сочинениями самих старообрядцев, в которых даются собственные интерпретации приведших к расколу исторических событий (И. Филиппов, Ф.Е. Мельников, И.А. Кириллов, В.Г. Сенатов, В.П. Рябушинский²). Полемическая традиция продолжилась трудами современного старообрядческого философа М.О. Шахова³.

С середины XIX в. развивается новое, так называемое, демократическое направление в изучении раскола, когда старообрядчество рассматривалось исключительно как движение социального протеста (А.П. Щапов, С.П. Мельгу

¹ **Булгаков, М. П.** История русского раскола, известного под именем старообрядчества / М. П. Булгаков. - СПб., 1855. - 368 с.; **Журавлев, А. И.** Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем / А. И. Журавлев. - СПб.: При Имп. Акад. наук, 1795; **Голубинский, Е. Е.** К нашей полемике с старообрядцами / Е. Е. Голубинский. - М., 1885; **Каптерев, Н. Ф.** Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов / Н. Ф. Каптерев. - М., 1887

² **Филиппов, И.** История Выговской пустыни / И. Филиппов. - СПб., 1862. - 480 с.; **Мельников, Ф. Е.** Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви / Ф. Е. Мельников. - Барнаул, 1999; **Кириллов, И. А.** Статистика старообрядчества / И. А. Кириллов. - М., 1913; **Сенатов, В. Г.** Философия истории старообрядчества / В. Сенатов. - М., 1908; **Рябушинский, В. П.** Старообрядчество и русское религиозное чувство / В. П. Рябушинский. - М.; Иерусалим, 1994. - С. 203-206

³ **Шахов, М. О.** Старообрядческое мировоззрение / М. О. Шахов. - Москва. 1957 г., 250 с.

нов, В.В. Андреев, А. С. Пругавин⁴ и др.). Впоследствии подобные попытки не раз возобновлялись, сначала в дореволюционные годы, затем – в советский период (В.Д. Бонч-Бруевич⁵). Кроме того, в XIX в. появились и первые работы, в которых старообрядчество характеризуется как своеобразный историко-культурный феномен русской жизни (В.О. Ключевский, Н.М. Костомаров, П.Н. Миллюков⁶).

В советское время, в соответствии с существовавшими идеологическими установками, старообрядчество рассматривалось либо с атеистических позиций, либо как форма антифеодального протеста (А. Катунский, В.Ф. Миловидов, В.Г. Карцов⁷). Серьезные глубокие исследования появились в это время в среде русской эмиграции (С.А. Зеньковский, А.В. Карташов⁸). Ряд работ советских ученых, посвященных средневековому общественному сознанию, до сих пор не утратили своего значения (А.И. Клибанов, К.В. Чистов, Р.Г. Пихои⁹).

Наиболее последовательно изучением старообрядчества, его книжно-рукописной традиции занимались отечественные археографы, благодаря которым введено в научный оборот огромное количество памятников старообрядческой мысли, произведен их подробный анализ (Н.Н. Покровский, Н.Д. Зольникова, И.В. Поздеева, Е.А. Агеева, Е.Б. Смилянская, Е.М. Сморгунова, И.В. Починская, А.Т. Шашков, В.И. Байдин, А.Г. Мосин, Е.М. Юхименко, Т.Ф. Волкова, П.И. Мангилев, А.И. Мальцев¹⁰ и т.д.). К теме старообрядчества обращались ис-

⁴ **Щапов, А. П.** О причинах происхождения и распространения раскола, известного под именем старообрядства, во второй половине XVII и первой половине XVIII столетия / А. П. Щапов // Правосл. собеседник. - 1857. - Ч. 3/4. - С. 629-689, 857-891; **Мельгунов, С. П.** Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в. / С. П. Мельгунов. - М., 1919; **Андреев, В. В.** Раскол и его значение в народной русской истории / В. В. Андреев. - СПб., 1870; **Пругавин, А. С.** Раскол – сектантство. Материалы для изучения религиозно-бытового движения русского народа / А. С. Пругавин. - М., 1887 г., с. 326

⁵ **Бонч-Бруевич, В. Д.,** Сектантство и старообрядчество в первой половине XIX века. / В. Д. Бонч-Бруевич. – М., 1947

⁶ **Ключевский, В. О.** Псковские споры. Соч., т. 7 / В. О. Ключевский. - М., 1959; **Костомаров, Н. И.** Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, т. 2. / Н. И. Костомаров - СПб., 1895; **Миллюков, П. Н.** Очерки по истории русской культуры. Том 1, 2. Часть 1: Церковь, религия, литература / П. Н. Миллюков. - Москва, 1930 г.

⁷ **Катунский, А. Е.** Старообрядчество / А. Е. Катунский. - М., 1972; **Миловидов, В. Ф.** Старообрядчество в прошлом и настоящем / В. Ф. Миловидов. - М., 1969; **Карцов, В. Г.** Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Ч. 1. / В. Г. Карцов. - Калинин, 1971

⁸ **Зеньковский, С. А.** Русское старообрядчество. В двух томах / С. А. Зеньковский. - Мюнхен, 1970; **Карташов, А. В.** Смысл старообрядчества / А. В. Карташов. – Париж. 1924г

⁹ **Клибанов, А. И.** Реформационные движения в России / А. И. Клибанов. - М., 1960; **Чистов, К. В.** Нация и культура. Новые исследования. Фольклор / К. В. Чистов. – Москва. 1999; **Пихои, Р. Г.** История государственного управления в России. 3-е изд. / Р. Г. Пихои. - М., 2004.

¹⁰ **Покровский, Н. Н.** Духовная литература староверов Востока России XVIII-XX вв. / Н. Н. Покровский, В.И. Байдин. Новосибирск, 1999; **Зольникова, Н. Д.** Эсхатология енисейского старовера-книжника часовенного согласия Исаия Назаровича (1970-е гг.) / Н. Д. Зольникова // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 2. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции. Екатеринбург, 1998; **Поздеева, И. В.** Русское старообрядчество в акватории Тихого океана / И. В. Поздеева // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском

кусствоведы, филологи и собиратели фольклора (О.Н. Бахтина, С.Е. Никитина¹¹,

Н.П. Парфентьев, Е.А. Бучилина, В.Л. Кляус¹² и др.).

В этнографическом плане наиболее комплексно на сегодняшний день исследованы материальная и духовная культура старообрядцев, проживающих на территории Пермского края (И.В. Власова¹³, И.А. Кремлева¹⁴, Т.А. Листова¹⁵,

Регионе. Сотрудничество на рубеже веков. Материалы второй международной научно-практической конференции. Владивосток, 28 августа - 3 сентября 1999 г. - Владивосток: Координационный совет международного конгресса стран АТР; ДВГУ; ПГОМ им. В.К. Арсеньева. - 2001; **Агеева, Е. А.** Приходская жизнь и история староверия по церковным летописям второй половины XIX в. / Е. А. Агеева // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург, 1999; **Смилянская, Е. Б.** Старообрядчество Бессарабии: Книжность и певческая культура / Е. Б. Смилянская, Н. Г. Денисов. - М.: Индрик, 2007; **Сморгунова, Е. М.** Старообрядческие семейные и родовые захоронения на Преображенском кладбище / Е. М. Сморгунова // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.). М., 1999; **Починская, И. В.** Из истории организации единоверческой типографии в Москве / И. В. Починская // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 4. Екатеринбург, 2001; **Шашков, А. Т.** Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / А. Т. Шашков. - Екатеринбург: НПМП «Волот», 2003; **Байдин, В. И.** Старообрядчество Урала и самодержавие первой половины XVIII - середины XIX вв. / В. И. Байдин. - Свердловск, 1983; **Мосин, А. Г.** Златоустовские старцы / А. Г. Мосин // Урал. 1993. № 3; **Юхименко, Е. М.** «...Но не разлучаемся душами от вашей браторевностной любви» (о духовных корнях сибирского старообрядчества) / Е. М. Юхименко // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 5. Екатеринбург, 2003; **Волкова, Т. Ф.** Старообрядческий центр на Вашке. Исследования и материалы по книжной и традиционной народной культуре Удорского района Республики Коми / Т. Ф. Волкова. - ИПО СыктГУ, 2002; **Мангилев, П. И.** О круге чтения крестьян-старообрядцев Зауралья в середине XIX в. / П. И. Мангилев // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 2. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции. Екатеринбург, 1998; **Мальцев, А. И.** Полемика о титуле на кресте в сочинениях старообрядцев-беспоповцев XVIII в. / А. И. Мальцев // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 5. Екатеринбург, 2003.

¹¹ **Бахтина, О. Н.** Модель археографического компьютерного атласа Томской области / Бахтина О. Н., Хасанов В. Я., Носков А. В. // Вестник ТГУ № 267 январь 1998; **Никитина, С. Е.** Устная традиция в народной культуре русского населения Верхоямья / С. Е. Никитина // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982.

¹² **Парфентьев, Н.П.** Крюковые рукописи уральских собраний / Н. П. Парфентьев // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. Ч. II: Памятники старинной письменности. М., 1982; **Бучилина, Е. А.** Духовные стихи в современном репертуаре старообрядцев-федосеевцев Нижегородской области / Е. А. Бучилина // Старообрядчество: история, культура, современность. Тезисы. М., 1998; **Кляус, В. Л.** Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских Забайкалья / В. Л. Кляус. - Курск, 2006.

¹³ **Власова, И. В.** Размещение старообрядцев в Северном Приуралье и их контакты с окружающим населением / И. В. Власова // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992.

¹⁴ **Кремлева, И. А.** Похоронно-поминальные обычаи и обряды / И. А. Кремлева // Русские. М., 1997.

¹⁵ **Листова, Т. А.** Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни / Т. А. Листова // Русские. М., 1997.

Т.С. Макашина¹⁶, Г.Н. Чагин¹⁷), Усть-Цильмы (Т.И. Дронова¹⁸), Сибири и Дальнего Востока (Ю.В. Аргудяева, Ф.Ф. Болонев, Е.Ф. Фурсова¹⁹ и др.). Особую категорию составляют монографические исследования русского населения на той или иной территории, в которых отмечалась некоторая, свойственная старообрядческой культуре, специфика (Е.В. Рихтер, Т.А. Бернштам, В.А. Липинская²⁰) и т.д. Выделение лишь отдельных сторон культуры и быта при изучении других региональных групп старообрядцев несколько затрудняет общий сравнительный анализ, но открывает возможности для сопоставлений на частном детальном уровне (Е.Э. Бломквист, Н.П. Гринкова, В.П. Федорова²¹).

Для большинства современных исследований характерно рассмотрение старообрядчества не как консервативного, и чрезвычайно обособленного явления, а живой развивающейся традиции. Такой подход характерен, в частности, для работ Е.А. Агеевой, Е.В. Сморгуновой, И.В. Поздеевой, Е.Б. Смилянковой,

¹⁶ **Макашина, Т. С.** Тема брака в делах Вологодской духовной консистории (1-я пол. XIX в.) / Т. С. Макашина // Расы и народы. - М., 1998.

¹⁷ **Чагин, Г. Н.** Старообрядческий мир верховьев Колвы и Печоры в XIX-XX вв. / Г. Н. Чагин // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 2. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции. Екатеринбург, 1998; **Он же.** Крестьянская семья Верхокамья в конце XVIII – первой четверти XX в. / Г. Н. Чагин // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения: Материалы научной конференции. – Пермь, 2001; **Он же.** Семья у русских старообрядцев Верхокамья: традиции и новации в XX – начале XIX в. / Г. Н. Чагин // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы четвертой международной научной конференции 14-17 сентября 2004, Владивосток / Приморский госуд. Музей. Владивосток, 2004; **Он же.** Хлеб в питании и обрядах русских старообрядцев Верхокамья на рубеже XX-XXI в. / Г. Н. Чагин // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы VII международной научной конференции. / Музей истории и культуры старообрядчества, Боровский ист. краевед. Музей. М., 2005.

¹⁸ **Дронова, Т. И.** Традиционный комплекс Усть-Цилемской женской одежды (Одежда из частной коллекции П.Г. Бабиковой). Каталог выставки / Т. И. Дронова. - Сыктывкар. 2004;

¹⁹ **Аргудяева, Ю. В.** Хозяйственное освоение Дальнего Востока старообрядцами / Ю. В. Аргудяева. - Вып. 4. Владивосток, 2001; **Болонев, Ф. Ф.** Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики / Ф. Ф. Болонев. - Барнаул, 2001; **Он же.** Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. / Ф. Ф. Болонев. - Новосибирск: АОЗТ. Изд-во «Февраль» 1994; **Он же.** Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX - начало XX в.) / Ф. Ф. Болонев. - Новосибирск, 1978; **Фурсова, Е. Ф.** Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX - начало XX вв.) / Е. Ф. Фурсова. - Новосибирск, 1997.

²⁰ **Рихтер, Е. В.** Интеграция сету с эстонской нацией. Eesti palu rahva maj anduse ja olme arengujooni 19. ja 20. saj. / Е. В. Рихтер. - Tallinn, 1979; **Бернштам, Т. А.** Традиционный праздничный календарь в Поморье во второй половине XIX - начале XX вв. / Т. А. Бернштам // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977; **Липинская, В. А.** Ономастика Поволжья / В. А. Липинская. - М., 2004.

²¹ **Бломквист, Е. Э.** Искусство бухтарминских старообрядцев. Вышивка / Е. Э. Бломквист // Бухтарминские старообрядцы.- Л., 1930; **Гринкова, Н. П.** Одежда бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы / Н. П.Гринкова. - М., 1930; **Федорова, В. П.** Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья / В. П. Федорова, - Кург. гос. ун-т. - Курган, 1997.

Е.Е. Дутчак²² и др. Н.Ю. Бубновым²³ старообрядчество определяется как культура-посредница между средневековьем и современной европеизированной Россией. Вместе с тем, говоря о сохранности в старообрядчестве древних элементов русской культуры, ученые отмечают «стойкость, активность, динамичность, даже просто изворотливость старообрядческого движения в целом», которые позволяют ему всегда находиться в соответствии с конкретным историческим контекстом. К вопросу об «относительной замкнутости» старообрядческих общин и их способности вырабатывать коллективные способы реагирования на внешние перемены, не разрушающие их культуры, неоднократно обращалась и С.Е. Никитина²⁴. Р. Моррис характеризует старообрядчество как своеобразный ключ к пониманию процессов конвергенции в современном мире.

Старообрядчеству посвящено немало работ зарубежных авторов повествующих об отдельных элементах культуры зарубежных старообрядцев (Р. Моррис, Р. Робсон, Е. Накамура, К. Штайнке, С. Ямодзоэ²⁵).

Следующий раздел историографического обзора составляют работы о старообрядчестве Симбирско-Ульяновского Поволжья.

Из работ полностью посвященным старообрядцам Симбирско-Ульяновского Поволжья можно назвать только одну. Это книга миссионера официальной православной церкви В. Введенского²⁶ «Исторический очерк раскола и сектантства в Симбирской губернии». В ней даётся картина расселения офици-

²² Агеева, Е. А. Подмосковная Гуслица - старообрядческая Палестина XVIII-XX вв. / Е. А. Агеева // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 2. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции. Екатеринбург, 1998; Сморгунова, Е. М. Старообрядческие семейные и родовые захоронения на Преображенском кладбище / Е. М. Сморгунова // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.). М., 1999; Поздеева, И. В. Русское старообрядчество в акватории Тихого океана / И. В. Поздеева // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском Регионе. Сотрудничество на рубеже веков. Материалы второй международной научно практической конференции. Владивосток, 28 августа - 3 сентября 1999 г. - Владивосток: Координационный совет международного конгресса стран АТР; ДВГУ; ПГОМ им. В.К. Арсеньева. - 2001; Смилянская, Е. Б. Старообрядчество Бессарабии: Книжность и певческая культура / Е. Б. Смилянская, Н. Г. Денисов. - М.: Индрик, 2007

²³ Бубнов, Н. Ю. Список с писем страдальческих священнопротопопа Аввакума / Н. Ю. Бубнов. - Москва, 1999.

²⁴ Никитина, С. Е. Устная традиция в народной культуре русского населения Верхокамья / С. Е. Никитина // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982.

²⁵ Моррис, Р. Старорусские традиции различия трех русских религиозных общин в Орегоне (США) / Р. Моррис // Русская культура вне границ. Вып. 1. - М. - 1995; Робсон, Р. Культура приморских старообрядцев в Пенсильвании / Р. Робсон // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений стран Европы, Азии и Америки. - Новосибирск. - 1992; Накамура, Ё. Романовка - поселок староверов в Маньчжурии (1936-1945) / Ё. Накамура // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, Наука. Сибирское отделение. 1992; Штайнке, К. Старообрядцы в Болгарии / Штайнке К. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америке. - Новосибирск. - 1992; Ямодзоэ, С. Рассказы о Романовке / С. Ямодзоэ. - Чаньчунь. - 1941.

²⁶ Введенский, В. В. Исторический очерк раскола, старообрядчества и сектантства в Симбирской губернии / В. В. Введенский. - 1907.

ально зафиксированных старообрядцев в губернии, а также и некоторые аспекты материальной и духовной культуры. Больше специальных этнографических исследований Симбирско-Ульяновских старообрядцев вплоть до начала 1990-х годов не проводилось. Симбирско-Ульяновский регион включался лишь в немногие исследования, освещающие общее состояние материальной и духовной культуры всего Поволжского региона или освещающие картину расселения старообрядцев в Поволжье. Часть работ упоминает Симбирско-Ульяновское Поволжье при описании старообрядческих сект, которые либо зародились в данном регионе, либо нашли здесь широкое распространение. В связи с вышеизложенным можно назвать монографию А. Липинского²⁷ «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния», в которой дана доля численности зарегистрированных старообрядцев региона. Среди работ посвящённых старообрядческим сектам Симбирской губернии следует выделить статью Ф.В. Ливанова²⁸ «Симбирские молокане и духоборцы», а также статьи П.И. Мельникова (Печёрского), и других авторов²⁹.

В постсоветский период часть исследователей продолжала обращаться к тематике старообрядческого сектантства, но для этнографической науки эти исследования ценности не представляют, так как являются тенденциозными и заостряют внимание на вымыслах православных миссионеров, созданных для обличения старообрядчества. Как правило, вышеуказанные работы публиковались в периодической печати (в частности в региональной³⁰).

Темы старообрядчества касались в своих исследованиях ульяновские учёные архивисты и этнографы. Но в их работах старообрядчество описывалось в философско-идеологическом плане или рассматривались отдельные фрагменты старообрядческих внутрисемейных отношений³¹.

²⁷ **Липинский, А.** Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния / А. Липинский. - С-П., 1868.

²⁸ **Ливанов, Ф. В.** Симбирские молокане и духоборцы / Ф. В. Ливанов // Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. Т. 2, гл. 24. С-П., 1870.

²⁹ **Айвазов, И. Г.** Христовщина / И. Г. Айвазов // Материалы для исследования русских мистических сект. Петроград, 1915; 1915; **Буткевич, Т. И.** Обзор русских сект и толков / Т. И. Буткевич. - Харьков, 1915; **Бондарь, С. Д.** Секты хлыстов, шалопутов, духовных христиан, Старый и Новый Израиль и иудействующих / С. Д. Бондарь. - Петроград, 1915; **Коновалов, Д. Г.** Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве / Д. Г. Коновалов. - Сергиев Посад, 1908; **Кутепов, К.** Секта хлыстов и скопцов / К. Кутепов. - Казань, 1882; **Мельников, П. И. (А. Печёрский)** Тайные секты / П. И. Мельников // Полное собрание сочинений. - С-П. М., 1898.

³⁰ **Сивопляс, И.** Хлысты, как они есть / И. Сивопляс // Венец. 10.07.1998. Ульяновск; **Разенков, А.** Распутин из Сурского / А. Разенков // Дыхание земли. Ульяновск. 15.01.2003; **Кузнецова, И.** Как крестьянин Иван девиц совращал, выдавая себя за пророка: из архива (Алатырь 1876) / И. Кузнецова // Симбирский курьер. 20.07.1996.

³¹ **Лукьянов, С.** Старообрядцы / С. Лукьянов // Димитровградская панорама. 22.06.2000. - С. 3; **Мельникова, С. А.** На иллюзиях свободу не построить... (из истории массового сознания крестьян Симбирска г.) / С. А. Мельникова // Художественная культура Поволжья к. 18 – н. 20 вв. материалы Поливановских чтений. Ульяновск, 2002.

Среди работ ульяновских учёных последнего времени затронувших тему старообрядчества выделяется диссертация Д.В. Русина «Религиозный синкретизм у русских Ульяновского Поволжья»³² автор затрагивает мировоззренческую культуру представителей старообрядческих сект Ульяновской области, полагая, что у сектантов духовная культура разнообразнее и интереснее, нежели чем у основных старообрядческих течений.

Из крупных работ последнего времени на тему старообрядчества, нельзя не отметить монографию Е.С. Данилко³³ «Старообрядчество на Южном Урале: Историко-этнографическое исследование». Монография представляет собой большое историко-этнографическое исследование о старообрядчестве Южного Урала. В работе Е.С. Данилко не ставится цель рассмотреть материальную культуру старообрядцев и структура старообрядческой семьи. Кроме выше перечисленного, данная монография освещает, прежде всего, региональные особенности Южно-Уральских старообрядцев.

В 2007 году вышла работа Е.С. Данилко «Механизмы самосохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья». В работе дан скрупулезный анализ распространения старообрядчества среди финно-угорских народов Урало-Поволжья, старообрядческого мировоззрения, элементов обрядовой культуры старообрядчества и т.п. В работе Е.С. Данилко затронут Вешкаймский район Ульяновской области в связи с распространением старой веры среди местной мордвы.

Таким образом, проблема старообрядчества в Симбирско-Ульяновском Поволжье, представляющая большой теоретический интерес, рассматривалась фрагментарно, отсутствуют комплексные исследования, а степень изученности различных групп старообрядцев не одинакова. В связи с этим представляются весьма перспективными новые исследования в этой области.

В третьем разделе настоящего историографического обзора отмечены работы, в которых в той или иной степени поднимаются проблемы, решаемые и в настоящей диссертации.

Структуре семьи, семейной обрядности и материальной культуре посвящены работы следующих авторов: О.А. Ганцкая, Т. А. Бернштам, М. М. Громыко³⁴ и др. Что касается данной проблематики относительно исследуемого ре-

³² Русин, Д. В. Религиозный синкретизм у русских Ульяновского Поволжья / Д.В. Русин. Саратов, 2004.

³³ Данилко, Е. С. Старообрядчество на Южном Урале: Историко-этнографическое исследование / Е. С. Данилко. - Уфа, 2000; Она же. Отношение к браку и некоторые особенности свадебного обряда у южно-уральских старообрядцев / Е. С. Данилко // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения: Материалы научной конференции. – Пермь, 2001; Она же. Механизмы самосохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья / Е. С. Данилко. - Москва, 2007.

³⁴ Ганцкая, О. А. Брак у народов Западной и Южной Европы / О.А. Ганцкая. - М. Наука – 1989; Она же. Польская семья: опыт этнографического изучения / О.А. Ганцкая. – Москва, Наука, - 1986; Бернштам, Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства / Т. А. Бернштам.- Л.: Наука, 1978; Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры / Т. А. Бернштам. - Л., 1988; Она же. Русская народная культура и народная религия / Т. А. Бернштам // Советская этнография, 1989,

гиона (Поволжья) – здесь наиболее структурированы работы Е. П. Бусыгина, Н. В. Зорина, Л. П. Шабалиной³⁵.

Целью исследования является изучение особенностей традиционной культуры, структуры семьи и быта Симбирских старообрядцев по отношению ко всему русскому населению рассматриваемого региона и старообрядчеству России в целом.

Достижение указанной цели осуществляется путём решения следующих **задач**:

- охарактеризовать географию расселения старообрядцев по согласиям в Симбирско-Ульяновском Поволжье.
- выявить особенности традиционной материальной культуры, старообрядческого быта и степень влияния на них конфессиональных установок, этнических традиций и региональных особенностей,
- охарактеризовать семейные обряды (родинный, свадебный, похоронно-поминальный) Симбирских старообрядцев, выявить влияние на них конфессиональных норм этнокультурного окружения.
- выявить основные черты мировоззрения, некоторые аспекты богослужбной культуры и ежедневной религиозной практики старообрядцев различных направлений в Симбирско-Ульяновском Поволжье (поморцев, федосеевцев и т.д.),
- охарактеризовать особенности структуры и быта различных типов старообрядческой семьи;

Источниковая база исследования.

Все источники при написании данной диссертации, подразделяются на три группы: не опубликованные, полевые, опубликованные.

Важным источником для диссертационного исследования послужили до-революционные публикации миссионеров, в которых содержится разной степени насыщенности информация о расколе на исследуемой территории.

Один из активных деятелей Симбирского миссионерского комитета В. В. Введенский издал в 1907 г. сборник личных бесед со старообрядцами, дополненный авторскими размышлениями и комментариями. Этнографические зарисовки о старообрядцах были сделаны в Материалах для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба А. Липинского. Интересные

№1; **Громыко, М. М.** Мир русской деревни / М. М. Громыко. - Москва. Молодая гвардия, 1991; **Она же.** Этнографическое изучение религиозности народа: заметки о предмете, подходах и особенностях современного этапа исследований / М. М. Громыко // Этнографическое обозрение. 1995. N 5

³⁵ **Бусыгин, Е. П.** Хозяйство и материальная культура русского населения Ульяновского Поволжья / Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Л. П. Шабалина. – Казань, 1982; **Он же.** Очерк статистической этнографии Среднего Поволжья / Е. П. Бусыгин, Л. П. Шабалина. - Казань, 1976; **Он же.** Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование (с сер. 19 – н. 20 вв.) / Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. – Казань. 1973; **Он же.** Русское сельское население Среднего Поволжья / Е. П. Бусыгин. - Казань, 1966; **Зорин, Н. В.** Русская свадьба в Среднем Поволжье / Н. В. Зорин. - Казань. 1981; **Шабалина, Л. П.** Этнические особенности народов Ульяновского Поволжья / Л. П. Шабалина. - Ульяновск, ИПК ПРО, 1993.

сведения об старообрядческих сектах и согласия, появившихся на территории Симбирской губернии можно извлечь из статьи П. И. Мельникова (Печерского).

Некоторые данные, позволяющие получить представления о старообрядческих группах на территории Симбирского Поволжья, имеются в статьях Н.М. Никольского³⁶.

Другим видом использованных в настоящей работе опубликованных источников являются различные периодические издания. В печатавшиеся в них отчеты приходских священников в обязательном порядке помещались сведения о существующих расколах и сектах. Первые публикации о старообрядцах Симбирского Поволжья появились именно в церковных периодических изданиях, это были работы, написанные православными священниками и имеющие преимущественно миссионерскую направленность.

Прежде всего, это регулярно выходившие в XIX – начале XX в. епархиальные и губернские ведомости (использовались Симбирские епархиальные и губернские ведомости), журнал «Церковь». Из современных источников такого рода можно выделить Календарь Древлеправославной поморской церкви, 1991 – 2008 гг.

Для изучения степени влияния на умы населения идей старообрядчества использовались государственно-правовые документы, касающиеся вопросов положения старообрядческих общин в советский период: Декреты СНК, Постановления ВЦИК, Конституция РСФСР и СССР, Законов СССР и РСФСР 1990 года «О свободе совести и религиозных организациях». Из документов постсоветского периода - Федеральный и Региональный законы о свободе вероисповеданий 1997 г.

Часть информации о старообрядческой культуре была получена со старообрядческих интернетсайтов (таких как «Самарское староверие» www.samstar.ru).

Кроме того, в диссертации использовались Материалы Всероссийской переписи 1897 г., отчасти способствовавшие обнаружению в среде старообрядческого населения региона нерусского элемента. Привлекались «Списки населенных мест» по различным губерниям.

Фрагментарность и недостаточность имеющихся в нашем распоряжении опубликованных материалов предопределила их вспомогательную, вторичную функцию. В работе гораздо более значителен объем архивной документации, во всем многообразии которой можно условно выделить несколько категорий.

В целом были исследованы источники, хранящиеся в трёх архивах – Государственного Архива Ульяновской Области (ГАУО), Центра документов новейшей истории Ульяновской Области (ЦДНИ УО), Российского Государственного Исторического Архива С-Петербурга (РГИА). Наибольшую ценность для исследования старообрядческой семьи Симбирского Поволжья середины XIX – начала XX вв. представляют документы: фонда Симбирской Духовной консистории (ГАУО, ф. 134), фонда Всеобщей переписи Российской империи

³⁶ Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. - Минск, 1930.

(ГАУО, ф. 597), фондов Симбирских уездных Духовных управлений (ГАУО, ф. 132, ф. 85, ф. 852), фонда канцелярии Симбирского губернатора (ГАУО, ф. 76), фонда Симбирского губернского Статистического комитета (ГАУО, ф. 88), фонда Симбирского губернского правления (ГАУО, ф. 48), фонда Симбирского присутствия суда Алатырского уезда (ГАУО, ф. 752) и др. Всего было изучено более 200 дел, в работе представлены наиболее показательные из них. Архивные материалы позволили дать относительно подробную картину расселения старообрядцев в Симбирской губернии на рубеже XIX – XX вв., показать специфику различных типов старообрядческой семьи, а также был найден богатый материал о материальной культуре симбирского старообрядчества.

К первому типу относятся архивные источники статистического характера. На всем протяжении существования старообрядчества издавалось множество предписаний, обязывающих местные городские и полицейские управления представлять точные сведения о численности раскольников и их молитвенных зданий. В силу целого ряда причин они не несут объективной статистической информации, однако позволяют локализовать старообрядческие группы по населенным пунктам, иногда выявить согласия, что было особенно актуально для почти не изученного в этом отношении Симбирского Поволжья. Подобного рода дела вкупе с современным полевым материалом легли в основу при создании карт старообрядческих согласий, помещенных в приложении, с их помощью планировались маршруты современных экспедиционных выездов.

Во вторую категорию архивных источников, выборочно использованных в диссертации, вошли судебно-следственные материалы. Это ведомости о преступлениях раскольников против православной церкви, списки не бывших у исповеди, судебные дела о совращении православных в раскол, о поимке раскольничьих попов, обнаружении тайных скитов и молелен, о сводных браках и т.д.

Следующую обширную группу материалов составили регистрационные документы старообрядческих общин. Первый поток таких дел наблюдается в период с 1906 по 1915 годы, то есть после Высочайшего указа о свободе вероисповеданий в Российской империи. А второй – уже в советское время, когда под видом регистрации маскировались истинные цели атеистического государства. В советский период сформировался еще один род источников, освещающих прямо противоположные процессы – прекращение деятельности старообрядческих религиозных объединений, закрытие и передачу под культурные заведения и хозяйственные нужды церквей и молитвенных домов. Сюда относятся также ходатайства о регистрации различных групп и переписка по этому поводу.

Важным источником при написании диссертации были также этнографические коллекции, рукописные материалы и фотографии из фондов региональных краеведческих музеев (Ульяновский областной краеведческий музей имени И. А. Гончарова, Музей городского быта «Симбирск конца XIX — начала XX вв.», Историко-этнографический комплекс «Торговля и ремесла Симбирска конца XIX — начала XX вв.» (музеи «Мелочная лавка» и «Столярная мастерская»), Музей городского быта, Музей «Народное образование Симбирской гу-

бернии в 70-80 гг. XIX века», Музей «Симбирское купечество», Музей «Градо-строительство и архитектура Симбирска-Ульяновска»).

Несмотря на большую значимость архивных данных, самую обширную группу источников составили материалы полевых этнографических исследований собранные в ходе экспедиций в 2001-2006 гг., а также материалы студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Ульяновского государственного педагогического университета. Данная группа источников позволила собрать материал об особенностях хозяйства, материальной культуры, внутрисемейных отношениях и семейной обрядности. *Исследованиями было охвачено более 28 населённых пунктов* на территории Ульяновской, Самарской областей, республики Чувашия (Самарская обл.: Сызранский р-н, р.п. Новокашпирский; Камышлинский р-н, с. Камышла; *Чувашская республика*, г. Алатырь; Ульяновская обл.: г. Димитровград; Карсунский район: р. п. Луговой, с. Малое Станичное, с. Вальдиватское, р. п. Карсун, с. Усть-Урень, р. п. Языково, с. Старое-Куроедово, с. Малая Капышовка; Сурский район: с. Кезьмино, с. Белый Ключ, с. Ждамирово; Чердаклинский р-н: р.п. Чердаклы, с. Красный Яр, с. Крестово Городище; Маинский р-н: с. Аксаково, р.п. Майна, с. Еделево; Кузоватовский р-н р.п. Кузоватово; Павловский р-н: с. Холстовка, с. Октябрьское). Сбор полевого материала производился также в старообрядческих общинах городов Ульяновска, Сенгилея, Инзы, Самары, Сызрани, Алатыря с целью опроса информаторов – потомков Симбирских старообрядцев и изучения материалов о Симбирском старообрядчестве в Российском Государственном Историческом Архиве (г. С-Петербург). В диссертации использовались интервью с информантами, фотографии (портреты лидеров и рядовых членов общин, элементов богослужения, предметных атрибутов культуры), видеосъемка религиозных обрядов, процессов изготовления ритуальных и бытовых предметов.

Методологическая основа исследования. Теоретическую базу исследования составили труды Р.Г. Кузеева, определяющие этнос как «непрерывный процесс», а также разработанная им (совместно с В.Я. Бабенко) теория о структурных подразделениях этноса³⁷. Методика сбора и анализа классификации типов семьи позаимствована в работах Т.А. Бернштам, О.А. Ганцкой и Л.П. Шабалиной³⁸, в частности о структуре семьи Среднего Поволжья (в том числе и Симбирского Поволжья).

³⁷ Кузеев, Р. Г. Происхождение башкирского народа / Р. Г. Кузеев. - М., 1974; Бабенко, В. Я. Семья и семейный быт украинцев Башкирской АССР / В. Я. Бабенко. - Уфа, 1990.

³⁸ Бернштам, Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства / Т. А. Бернштам. - Л.: Наука, 1978; Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры / Т. А. Бернштам. - Л., 1988; Она же. Русская народная культура и народная религия / Т. А. Бернштам // Советская этнография, 1989, №1; Ганцкая, О. А. Брак у народов Западной и Южной Европы / О.А. Ганцкая. - М. Наука – 1989; Она же. Польская семья: опыт этнографического изучения / О.А. Ганцкая. – Москва, Наука, - 1986; Шабалина, Л. П. Этнические особенности народов Ульяновского Поволжья / Л. П. Шабалина. - Ульяновск, ИПК ПРО, 1993; Она же. Структура и быт народов Среднего Поволжья / Л. П. Шабалина. – Ульяновск: УлГПУ, 1997; Она же. Этнология, этнография в педвузе и общеобразовательной школе / Л. П. Шабалина, О.А. Туркина. – Ульяновск: УлГПУ, 1993; Она же. Семья Симбирского Поволжья конца XIX – начала XX вв. / Л. П. Шабалина.

Методология исследования строилась на совокупности общенаучных методов. Использовался сравнительно-исторический метод с применением системного и кросс-культурного анализа при интерпретации материала, применялся описательный метод, позволяющий полнее передать конкретику этнографического материала.

В главе диссертации, посвящённой семейной обрядности, анализ и интерпретация материала основаны на использовании теоретических работ В.Н. Топорова, Я.В. Чеснова, Т.А. Цивьян, А.К. Байбурина³⁹ посвящённых изучению сути и функций ритуала в традиционной культуре.

Сбор полевого этнографического материала производился методом глубинного интервью с основными («ключевыми») информаторами (обычно представителями старшей возрастной группы, наиболее полно знающими культуру своего субэтноса) с последующим дополнением полученных интервью по отдельным вопросам у вторичных информаторов. Также применялся метод включённого наблюдения.

Полевой материал был собран на основе качественного подхода: включенное наблюдение, глубинное и полуструктурированное интервью с путеводителем, в котором обозначались проблемно-тематические блоки беседы с участниками исследования (В.В. Семенова, В.А. Ядов⁴⁰). Указанные блоки соответствовали выделенным задачам исследования. Проведение опроса включало два этапа: 1) интервью с основными («ключевыми») информаторами и 2) последующее дополнение полученных результатов по отдельным вопросам у вторичных информаторов. При составлении вопросника частично использовались программы М.М. Громыко, С.В. Кузнецова, А.В. Буганова «Православие в русской народной культуре», а также Т.А. Листовой (по родинной обрядности) и И.А. Кремлевой (по похоронной обрядности), дополненные и адаптированные к старообрядческому материалу⁴¹.

лина. – Ульяновск, 2001; **Она же.** Современная семья народов Среднего Поволжья: традиция и новации, этнические взаимовлияния / Л. П. Шабалина. – Ульяновск, 2002.

³⁹ **Топоров, В.Н.** О ритуале. Введение в проблематику / В.Н. Топоров // Архаический ритуал в фольклоре и раннелитературных памятниках. М., 1988; **Чеснов, Я. В.** "Культ онгонов" или "эффективность символов" (К интерпретации магического лечения у абхазов) / Я. В. Чеснов // Этногр. обозрение N 2. - С. 75-88 1993; **Цивьян, Т. А.** К мифологической интерпретации восточнороманского колядного текста "Плугушор" / Т.А. Цивьян // Славянский и балканский фольклор. М., 1984; **Байбурин А.К.** Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов / А.К. Байбурин. Спб, 1993.

⁴⁰ **Семенова, В. В.** Качественные методы: Введение в гуманистическую социологию / В. В. Семенова. - М.: Добросвет, 1998; **Ядов, В. А.** Социологическое исследование: методология, программа, методы / В. А. Ядов. - М.: Наука, 1987.
; **Громыко, М. М.** Мир русской деревни / М. М. Громыко. - Москва. Молодая гвардия, 1991; **Она же.** Этнографическое изучение религиозности народа: заметки о предмете, подходах и особенностях современного этапа исследований / М. М. Громыко // Этнографическое обозрение. 1995. N 5; **Кузнецов, С. В.** Православный приход в России в XIX веке / С. В. Кузнецов // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII - XX веках: этнографические исследования и материалы. М., Наука, 2002; **Буганов, В.** Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви / В. Буганов, А. Богданов. - Москва. Издательство "Политиздат", 1991; **Листова, Т. А.** Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год

Другим способом сбора информации были фотосъемка, позволяющая во всей полноте фиксировать вещные атрибуты культуры (предметы культа и бытового обихода, одежду, интерьер жилых и богослужебных помещений).

Научная новизна работы заключается в том, что предпринимается впервые комплексное историко-этнографическое исследование старообрядчества Симбирско-Ульяновского Поволжья, как этноконфессиональной группы русского населения. На примере старообрядцев получены новые результаты, представляющие интерес для теории развития и взаимодействия культур.

В работе использованы новые подходы в изучении этнографического материала, а именно, предпринята попытка характеристики особенностей мировоззрения и восприятия старообрядцами реалий повседневной жизни через призму их религиозно-философских представлений.

В научный оборот введены неизвестные и неиспользованные ранее архивные источники по старообрядчеству Симбирско-Ульяновского Поволжья. В связи с тем, что традиционная культура, структура семьи, её быт, семейная обрядность старообрядцев различных региональных групп в настоящее время остаются ещё недостаточно изученными в отечественной этнографической науке, подробное их описание применительно к Симбирско-Ульяновскому Поволжью позволяет частично устранить образовавшийся пробел.

Впервые в науке произведено графическое структурирование типов семей старообрядцев; даётся картирование расположения старообрядческих поселений.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут служить базой для дальнейших научных исследований в этнографии изучаемого региона и России в целом. Кроме того данные исследования можно привлечь для популяризации знаний о старообрядчестве, при составлении учебных пособий по истории и традиционной культуре восточнославянских народов, о различных конфессиональных группах Ульяновского Поволжья. Они могут использоваться для специальных курсов в вузах, а также в дальнейшем изучении культуры и быта этносов Средневолжского региона.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации являлись предметом обсуждения на научных конференциях Ульяновского Государственного Университета, в виде докладов и сообщений на различных международных, Всероссийских и региональных научных конференциях (2001-2008 гг.). Было издано десять научных публикаций в виде тезисов и статей, в том числе публикация в периодическом научном издании, рекомендованном ВАК.

На защиту выносятся следующие положения исследования:

1. Симбирско-Ульяновское Поволжье являлось одним из важных промежуточных районов в расселении и формировании старообрядческой культуры. Старообрядчество Симбирской губернии – составная часть русского Средневолжского комплекса культуры.

2. Симбирское старообрядчество поддерживало тесные взаимоотношения со старообрядцами соседних регионов, особенно Нижегородской, Самарской, Саратовской, Московской губерниями.

3. Симбирские старообрядцы имели региональные особенности традиционной культуры, структуры семьи и быта. Эти особенности прослеживались в некоторой схожести элементов культуры, обрядности и др., с соседними регионами, в частности с Самарской губернией, но и отличались как от них, так и от других регионов России. В Симбирской губернии зарождались местные согласия старообрядцев.

4. В традиционной структуре семьи, семейной обрядности старообрядцы Симбирского Поволжья отличались от русского православного населения. Сельские семьи Симбирских старообрядцев были многочисленнее и состоятельнее православных, в их структуре прослеживалось большое влияние конфессиональных установок.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы. Приложение содержит описание согласий, статистические материалы, картосхемы, фотоиллюстрации, список информаторов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, анализируется степень ее изученности, определяются цель и задачи, объект и предмет, хронологические и территориальные рамки исследования, характеризуется его источниковая база, раскрывается методология, показывается научная новизна и практическая значимость диссертации, формулируются выносимые на защиту положения.

Первая глава: **«Расселение, численность, основные черты материальной культуры старообрядцев Симбирско-Ульяновского Поволжья»** посвящена краткому историческому описанию расселения, его направлениям, численности старообрядцев России в целом и Симбирско-Ульяновском Поволжье в частности.

В параграфе 1.1 **«Расселение, численность старообрядцев в России и государствах её ближнего зарубежья»** говорится о том, что православный церковный раскол был Общероссийским явлением и соответственно не мог не затронуть Симбирско-Ульяновское Поволжье.

Параграф 1.2 **«Расселение, численность старообрядцев в Симбирско-Ульяновском Поволжье»** содержит материал, повествующий о возникновении старообрядчества на территории Симбирско-Ульяновского Поволжья. Старообрядчество возникло в рамках рассматриваемого региона одновременно с событиями раскола, то есть во второй половине XVII в. В работе описано расселение и численность старообрядцев изучаемого региона на конец XIX в. Основные данные взяты из документов Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Для определения достоверности данных вышеназванных документов использовались архивные материалы. Все источники носят тенденциозный характер, од-

нако и благодаря им можно получить представление о численности и расселении старообрядцев на территории Симбирско-Ульяновского Поволжья.

Официально приверженцев старой веры числилось около 3% от населения Симбирской губернии, реально же их насчитывалось не менее 10%. Расселены старообрядцы были в разной степени плотности по 5 из 8 губернских уездов. На культуру и идеологию старообрядцев Симбирской губернии сильное влияние оказывали соседние мощные старообрядческие центры: Нижегородский, Саратовский, позже Самарский.

Старообрядцы Симбирского Поволжья населяли изучаемый регион с самого начала Церковного Православного раскола. Кроме того, через Симбирское Поволжье шли потоки миграции старообрядцев из центральных областей России к её Восточным и Южным окраинам. Симбирская губерния являлась миграционным мостом между крупнейшими старообрядческими центрами Нижнего Новгорода и Саратова, а позднее и Самары.

В самом Симбирском Поволжье старообрядцы представляли значительный слой сельского населения. Об этом свидетельствует огромное количество судебных дел дошедших до нашего времени в различных фондах Государственного Архива Ульяновской области (прежде всего фонда Симбирской духовной консистории), выявлявших старообрядцев из числа мнимых православных.

Старообрядцы в Симбирской губернии в конце XIX в. были расселены преимущественно в уездах: Симбирском, Алатырском, Карсунском, Сызранском. В Сенгилеевском уезде старообрядцы чаще встречались в центральной части, а в Курмышском, Ардатовском и Буинском уездах губернии старообрядцев было довольно мало.

Параграф 1.3 *«Статистика учёта старообрядцев»* поясняет каким образом создавалась официальная статистика учёта старообрядцев.

Постоянные репрессии (до 1905 г.) против старообрядчества делали невозможным подсчёт его количества. В период с 1905 по 1917 гг. попытку собрать статистические сведения о старообрядчестве правительство сделало лишь однажды – в 1912 году. По этим данным в России на 1911 год числилось 2 206 621 старообрядец (цифра явно занижена), у староверов имелось 630 храмов, 3161 моленная, 73 скита, 98 школ, 59 Богаделен. По согласиям старообрядчество разбивается так: белокриницкие – 787 тысяч человек, беглопоповцы – 207 000, поморцы – 522 000, часовенные – 263 000, федосеевцы – 232 000, спасовцы – 116 000, филипповцы – 25 000, самокрещенцы – 6500, странники – 4400 человек.

Известный исследователь С. Зеньковский считал, что перед революцией староверов в России было от 12 до 18 миллионов, в том числе: белокриницких – от 6 до 10 миллионов, поморцев – от 1,5 до 2 миллионов, спасовцев – от 1 до 2 миллионов человек.

В параграфе 1.4 *«Хозяйство старообрядцев Симбирско-Ульяновского Поволжья (земледелие, животноводство, другие виды занятий)»* посвящен отличию Симбирских старообрядцев от своих инокультурных соседей. Отличие это было в большей зажиточности «ревнителее старины», основанной на культе

труда. Симбирское старообрядчество имело меньше праздников и всячески поощряло трудолюбие своих представителей.

Хозяйственная деятельность была направлена на обеспечение жизни крестьянина. В домашних хозяйствах производили продукты, одежду, орудия труда. Достаточно долгое время семьи жили только натуральным хозяйством. Товарами фабричного производства пользовались по мере необходимости.

Старообрядцы Симбирской губернии из-за большей строгости в быту, культа труда, бережливости и нерасточительства, высокой степени взаимовыручки староверов-общинников, а также крайне малого количества праздников, подготовка и проведение которых требовали не малых для селян средств, имели больше возможностей для сбережений чем другие. Исходя из вышеназванных причин, можно сделать вывод о логичности утверждения, что старообрядцы в большинстве своём были зажиточны.

Параграф 1.5 *«Материальная культура старообрядцев Симбирско-Ульяновского Поволжья (поселения и жилища, одежда, пища)»* описывает, то что материальная культура Симбирских старообрядцев испытала на себе сильное влияние своих инокультурных соседей по региону. В частности поселения и жилища старообрядцев имели незначительные различия по своей структуре с поселениями и жилищами православного населения Симбирской губернии.

Жилища симбирские старообрядцы строили из более дорогих материалов в связи с тем, что староверы были более зажиточны, чем православные селяне, внутреннее убранство было скромнее, чем они могли себе позволить, хозяйственные постройки были более добротны и в большем количестве по сравнению с православными селянами. А это в свою очередь объясняется, как подчёркивалось выше, аскетичным образом жизни представителей старообрядчества, которые в труде и молитве видели смысл своего существования, а потому много работали и практически не тратились на различные праздники и увеселительные мероприятия.

Традиционные особенности гораздо лучше сохранились у старообрядцев в одежде и пище. Вплоть до Октябрьской революции, а часто и позднее старообрядцы носили одежду старорусского покроя. Пищевые запреты у старообрядцев сохраняются по сей день. Однако даже в пищевую отрасль материальной культуры Симбирского старообрядчества в начале XX века начало проникать влияние православных соседей старообрядцев.

Одежду селяне-старообрядцы носили до конца XIX века традиционную строгую. В начале XX века стали проявляться более глубокие отличия между повседневной одеждой и той, которую носили в религиозных целях (богослужбной). Повседневная старообрядческая одежда в ряде мест Симбирской губернии (особенно в селах, где было значительное число представителей других конфессий) вобрала в себя православные элементы, сказывалось влияние и города. Верность традициям сохранялась в одежде предназначенной для религиозных обрядов (в частности похоронно-поминального) и религиозных служб. В меньшей степени традиционность сохранялась в свадебных нарядах.

Благодаря стойкости, приверженности своей вере, достаточно обособленного образа жизни, бережного отношения к традициям своих предков, староверы до сегодняшнего дня сохранили некоторые традиционные методы обработки продуктов и способы приготовления пищи.

В старообрядческой среде согласия, которые в XIX веке придерживались более строгих правил в быту и образе жизни, сохранили и в XX веке более строгий уклад. Для согласий, ведших менее аскетический образ жизни и к тому же проживавших в одних сёлах с представителями других конфессий пищевые запреты и строгость следования традициям предков постепенно стали уступать своё место «обмирщению» (как это произошло в селе Красный Яр Чердаклинского района Ульяновской области). Общины староверов, жившие длительное время относительно изолированно (как община поморского согласия села Кувшиновка Ульяновского района Ульяновской области), сумели сохранить самобытность в пище.

Во второй главе: «**Структура семьи старообрядцев Симбирско-Ульяновского Поволжья**» анализируются размеры, состав старообрядческой семьи, а также внутрисемейные отношения и семейная обрядность.

Параграф 2.1 «*Типы, размеры, состав старообрядческой семьи Симбирско-Ульяновского Поволжья*» раскрывает особенности старообрядческих семей по размеру и по составу. Исходя из данных параметров среднестатистическая старообрядческая семья была многочисленнее среднестатистической православной семьи. Грамотность среди старообрядцев была гораздо более частым явлением, чем в православной среде, особенно грамотность среди женщин.

Старообрядческая семья имела ряд отличий и сходств с русской православной семьёй.

Старообрядческие семейные союзы были моногамными кроме случаев старообрядческого сектантства.

Семьи старообрядцев делились на простые и сложные. Простые – это семьи с одним брачным союзом в их основе. Такая семья называлась малой, простой, индивидуальной. Полные состояли из супругов (мужа и жены) и их детей. К не полным простым семьям относились семьи, включающие одного из супругов и его детей.

В группу сложных форм входили моногамные семьи с двумя или больше брачными парами. У старообрядцев были распространены практически все указанные формы.

По взаимоотношениям между элементами семьи старообрядческие семьи были авторитарные с главенством мужчины: мужа – отца (в простой малой семье), мужа – отца – деда или сына, которому престарелые родители «отписывали» хозяйство, или брата, чаще старшего (в сложной семье разных согласий). Значительно реже главой сложной семьи были женщины – в случае смерти хозяина, тогда как в простой семье из двух поколений вдова чаще становилась главой семьи, если была единственной кормилицей при своих малолетних детях.

На территории Симбирского Поволжья к концу XIX - началу XX вв. у православных преобладающими были семьи из 3-6 человек, семьи же старооб-

рядцев были крупнее средних православных, а именно состояли из 5-8 человек. Это объяснялось двумя основными причинами: у православных лидировали двухпоколенные семьи, а у старообрядцев – трёхпоколенные; в православных семьях рождалось меньше детей, чем в старообрядческих.

Основными типами семьи для всех православных и старообрядцев были: малая, простая, полная 2-х поколенная семья из одной брачной пары с 3-6 детьми; большая 3-х поколенная неразделенная, неполная в старшем поколении, семья.

К концу XIX века у православных русских четырёх поколенные семьи практически отсутствовали; тогда, как у старообрядцев на тот же период времени четырёх поколенные семьи имели существенный вес, но сохранялись только в неполном (преимущественно в старшем поколении) составе.

По социально-профессиональному составу русские православные сельские семьи были однородны; занимались преимущественно земледелием, скотоводством, некоторыми ремёслами.

У старообрядцев также преобладали однородные семьи, но в 13,33 % семей присутствовали представители занятые внедомашним земледелием или профессиями не связанными с земледелием (ремесло, торговля и т.п.). Особенно широко это было распространено в местах прохождения торговых путей.

По этническому составу, как православные, так и старообрядческие семьи были преимущественно однородными.

По вероисповеданию православные, и старообрядческие семьи были также однородными, но с обеих сторон иногда встречались и смешанные семьи.

Большинство сельских семей (супруги, дети) являлись малограмотными (мужчины, главы семейств, их сыновья умели читать, писать). Процент грамотных старообрядцев, как мужчин, так и женщин был существенно выше, чем у православных. Особенно высоким был процент грамотных в тех местах, где помимо старообрядческой веры способствовали изучению грамоты и экономические предпосылки (наличие торговых путей, развитые ремёсла и т.п.).

По возрасту у православных подавляющее большинство составляли брачные пары, в которых муж был старше жены; (главным образом на 2-3 года, но были случаи и на 10, 20 и более лет).

У старообрядцев же в каждой четвёртой семье жена была старше мужа, причём разница нередко доходила до 10 лет. Это было связано с тем, что старообрядческие женщины стремились выходить замуж исключительно за одноверцев. А так как число женщин превышало число мужчин, то свадьбы могли откладываться, или отменяться, что приводило к появлению келейниц и скитов.

В параграфе 2.2 *«Внутрисемейные отношения старообрядцев Симбирско-Ульяновского Поволжья»* показано, что вплоть до начала XX века в старообрядческой среде соблюдались домостроевские порядки. Забота о немощных родственниках и принятие в семьи сирот было обычным явлением у старообрядцев.

У старообрядцев Симбирской губернии в каждой четвёртой семье жена была старше мужа, причём разница нередко доходила до 10 лет. Это было связано с тем, что старообрядческие женщины стремились выходить замуж ис-

ключительно за одноверцев. А так как число женщин превышало число мужчин, то свадьбы могли откладываться, или отменяться, что приводило к появлению келейниц и скитов.

В третьей главе: «**Семейная обрядность старообрядцев Симбирско-Ульяновского Поволжья**» говорится о яркости и неоднородности семейной обрядности старообрядцев.

В параграфе 3.1 «**Родильная обрядность старообрядцев Симбирско-Ульяновского Поволжья**» Часть старообрядческих согласий Симбирской губернии «приемлели» православное (новообрядческое) крещение, большинство же старообрядцев отрицало его.

Родильная обрядность старообрядцев Симбирского Поволжья в некоторых соглашениях имела свои отличительные черты. Часть старообрядческих согласий получили название именно из-за отношения к элементу родильной обрядности – крещению (перекрещенцы, обливанцы, спасово согласие не приемлющее водного крещения и т.д.). Для части подобных старообрядческих согласий Симбирское Поволжье стало местом зарождения (в частности баушкино согласие).

Параграф 3.2 «**Свадебная обрядность старообрядцев Симбирско-Ульяновского Поволжья**» показывает отношение симбирских старообрядцев к браку. Часть старообрядческих согласий не признавали брак вообще. Однако к началу XX века строгих порядков среде симбирских старообрядцев становилось всё меньше.

Для старообрядческой свадьбы характерна сдержанность фольклорного фона - вероучение старообрядцев запрещало шумные празднества и пение светских песен. Осуждалось присутствие ряженных, опускались наиболее откровенные обрядовые элементы после первой брачной ночи.

Таким образом, в свадебном ритуале старообрядцев Симбирской губернии помимо особенностей, характерных для региона в целом (синтез северо и южнорусских традиций), существовали детали, появление которых обуславливалось конфессиональными установками и отношениями различных старообрядческих согласий к таинству брака.

Свадебный обрядовый комплекс старообрядцев был представлен в Симбирском Поволжье различными старообрядческими соглашениями по-разному. В некоторых населённых пунктах старообрядцы приняли элементы православной (новообрядческой) свадебной традиции. Это происходило там где общины старообрядцев подвергались сильному влиянию иноконфессиональных (православных) соседей по месту проживания (населённому пункту).

Параграф 3.3 «**Похоронно-погребальная обрядность старообрядцев Симбирско-Ульяновского Поволжья**» повествует, что наиболее консервативной у симбирских старообрядцев была похоронно-погребальная обрядность. Ни одно старообрядческое согласие Симбирской губернии не признавало православных (новообрядческих) похоронно-поминальных обрядов и всего того, что было с этим связано (в том числе кладбища).

Похоронно-погребальный комплекс старообрядцев Симбирского Поволжья относится к категории наиболее консервативных элементов их культуры. Он сохранил в себе множество архаических черт, отсутствующих у других групп

русского населения Среднего Поволжья. Указанные черты проявляются на всех этапах обрядового комплекса (допогребальный, собственно погребальный, поминальный). В первом - это бытование до настоящего времени древних форм «смертного» костюма (традиционная русская одежда, саван), способы изготовления гробов (из цельной колоды или некрашенных досок), разворачивание гроба посолонь, и т.д. Особенности содержатся и в самом процессе похорон (состав и порядок погребальной процессии, вынос «встречной», форма носилок и пр.) и в поминальной части (регламентация и состав блюд, подаваемых на поминальной трапезе, стереотипы поведения и т.д.). Кроме того, существовали некоторые различия в элементах обряда в зависимости от принадлежности старообрядцев к определенному согласию. Наиболее четко они фиксируются у странников.

Стремление старообрядцев оградиться от окружающего мира, основанное на религиозно-догматическом принципе сохранения чистоты, проявлялось в выборе места для захоронений. Старообрядческие кладбища располагались отдельно от «мирских». Бытовал комплекс представлений о «нечистых» покойниках, к этой категории, в числе прочих, старообрядцы относили и иноверцев.

На старообрядческих кладбищах сохранялись языческие надгробные сооружения (столбики с двускатной кровлей). В Симбирском Поволжье они единичны, под влиянием местного православного населения у них наибольшее распространение получил другой тип памятников (деревянный крест). Сопоставительный анализ обрядности Симбирского и других региональных групп старообрядцев позволяет выявить и иные отличия.

Таким образом, похоронно-погребальный комплекс старообрядцев в Симбирском Поволжье сохранил в себе древнейшие пласты русской духовной культуры. Наличие локальных вариантов обусловлено разделением старообрядчества на множество направлений. Отдельные элементы, фиксируемые в других региональных группах, в Симбирском Поволжье претерпели некоторые изменения или утратились в результате длительных контактов старообрядцев с русским православным населением.

В заключение работы автор приходит к следующим выводам:

1. Культура старообрядцев Симбирско-Ульяновского Поволжья, представляет собой сложный комплекс традиций и новаций, формирование, которого зависело от множества причин социального, религиозного, исторического характера, а также от реального этнокультурного окружения.

2. Принципиальный традиционализм, определявший все стороны жизни носителей старообрядчества, способствовал консервации в их среде наиболее древних пластов русской народной культуры. Этим обуславливалось образование целого ряда дифференцирующих признаков данного этнического подразделения. Архаические элементы, сохраняющиеся в семье в духовной и в материальной сферах жизнедеятельности старообрядцев, выделяли последних из общей массы русского населения региона.

Стремление старообрядцев к полной культурно-бытовой изоляции неизбежно сталкивалось с невозможностью его осуществления. Это подталкивало на постоянный поиск новых форм и способов сохранения традиционных норм в

условиях изменяющейся действительности, вело к созданию социокультурных механизмов, позволяющих найти компромиссный выход из возникшего противоречия.

3. Складывание старообрядческой культуры в Симбирско-Ульяновском Поволжье происходило в тесном взаимодействии традиции и адаптации. Попадая в новые природно-географические, социально-экономические условия и в иноэтничную, иноконфессиональную среду, старообрядцы, наряду с другими группами русских, становились участниками формирования регионального среза русской культуры. При этом мощным барьером для аккультурации выступали конфессиональные установки. Однако, наличие их не исключало проникновения инноваций. Находясь в тесном инкультурном окружении старообрядцы не могли избежать контактов как с православным населением, так и соседними этносами. Постепенно их культурные стереотипы иницировались, некоторые элементы утрачивались или заменялись другими.

4. Выделение симбирского старообрядчества в качестве объекта историко-этнографического исследования делает закономерной постановку вопроса о его идентификации. Особенности формирования и функционирования в полиэтничной среде, определившие культурное своеобразие симбирского старообрядчества, позволяют рассматривать его как этно-географическую группу в составе всего субэтноса староверов.

5. В масштабах Симбирско-Ульяновского Поволжья старообрядцы представляют этноконфессиональную подгруппу русских. Она внутренне не однородна и разделяется на множество направлений, имеющих некоторые различия главным образом в материальной и духовной культуре, структуре семьи, семейной обрядности.

Кроме сходств со старообрядцами других регионов имелся и местных ряд особенностей. Симбирское Поволжье стало местом рождения некоторых собственных по-своему уникальных согласий, наложив отпечаток на некоторые общероссийские согласия.

Показывая особенности традиционной культуры, структуры семьи, семейного быта старообрядцев на территории Симбирско-Ульяновского Поволжья мы склонны рассматривать их культуру и быт своеобразный наиболее ранний пласт в составе среднерусского хозяйственно-культурного комплекса, исторически сложившегося в Среднем Поволжье – в одном из наиболее полиэтничных лесостепных регионов России.

Основные положения диссертации изложены в публикациях:

Публикация в периодических научных изданиях, рекомендуемых ВАК

1. **Виноградов, А.А.** Симбирское старообрядчество (некоторые черты самобытности) // Известия СНЦ РАН специальный выпуск «Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии». Самара 2007 г., с. 48 – 52 (0,55 п.л.)

Статьи

2. **Виноградов, А.А.** Старообрядцы Симбирского Поволжья конца XIX – начала XX столетия. // Материалы XXXIV Урало-Поволжская археологическая конференция. Ульяновск, 2002 г., с. 141 – 145 (0,22 п.л.)
3. **Виноградов, А.А.** Расселение старообрядцев в Симбирской губернии в конце XIX – начале XX века. // Открытые культуры. Материалы Всероссийской научной конференции. Ульяновск, 2002 г., с. 23 – 25 (0,25 п.л.)
4. **Виноградов, А.А.** Место Симбирской губернии среди старообрядческих центров. // Человек в культуре России. Материалы XII Всероссийской конференции посвящённой дню Славянской письменности и культуры. Ульяновск, 2004 г., с. 35 – 38 (0,15 п.л.)
5. **Виноградов, А.А.** Место Симбирской губернии среди старообрядческих центров. // XII Любимцевские чтения. Современные проблемы эволюции. Ульяновск, 2004 г., с. 264 – 272 (0,54 п.л.)
6. **Виноградов, А.А.** О некоторых чертах самобытности Симбирского старообрядчества. // Вестник Ульяновского государственного педагогического университета. Выпуск 1, Ульяновск, 2005 г., с. 92-95 (0,5 п.л.)
7. **Виноградов, А.А.** Похоронно-поминальный обряд старообрядцев поповцев Симбирского Поволжья. // Вестник Ульяновского государственного педагогического университета. Выпуск 2, Ульяновск, 2006 г., с. 144-154 (1,3 п.л.)
8. **Виноградов, А.А.** О Симбирском старообрядчестве. // Вестник Ульяновского государственного педагогического университета. Выпуск 3, Ульяновск, 2007 г., с. 100-105 (0,6 п.л.)
9. **Виноградов, А.А.** Официальная статистика расселения старообрядцев Симбирской губернии (по результатам Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.) // Краеведческие записки. Выпуск 14, Ульяновск, 2008 г., с. 94-98 (0,22 п.л.)
10. **Виноградов, А.А.** Симбирское старообрядчество до начала XX века. // Вестник Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии. Ульяновск, 2008 г., с. 64-69 (0,55 п.л.)

Подписано в печать 2.10.08
Формат 60x84.1/16
Усл. п. л. 1,2 Тираж 120 экз.
432980, г. Ульяновск, бульвар Новый Венец, 1